

Рустем и Зораб: Рустем и Зораб. Второй бой

Category: Kitarsy, Poemalar

написано kitarsy | 25 января, 2025

Рустем и Зораб: Рустем и Зораб. Второй бой Книга восьмая.

Рустем и Зораб. Второй бой

I.

Когда павлин денницы распустил
Широко хвост свой разноцветный
И голову под черное крыло
Угрюмый ворон ночи спрятал,
Рустем проснулся, опоясал
Губительный свой меч
И, боем дышащий, вскочил
На огнедышащего Грома;
И бурю на избранное место он
Помчался. Как звезда, пророк
Великих бедствий, пламенным хвостом
На небесах блистает ночью темной,
Так бедоносно шлем косматый
Блистал на голове Рустема;
Прибыв на место, с изумленьем
Он озирался, но Зораба
Там не было: Зораб, в то время
Как гибельный его отец
Ждал в поле, утренним вином,
При звуке лютнь, беспечно утешался.
И так сказал он Баруману:
«Со мною этот старый лев
И крепостию мышц, и ростом,
И храбростию равен;
Когда смотрю на грудь его, на руки
И на плеча, мне кажется, что вижу

Я в зеркале себя; невольно
Приходит в мысли мне, что сам
Таким я буду, если звезды
Мне столько ж лет отчислят в жизни.
Взглянув ему в геройское лицо,
Я чувствую какую-то тревогу,
Мне стыдно, я краснею, в грудь мою
Втесняется глубоко
Неодолимая тоска.
О Баруман, уж не Рустем ли он? Скажи
Мне правду; Баруман, спаси
Меня; не дай мне быть отцеубийцей
На ужас всей земле. Что, возвратись,
Скажу я матери? Скажу ли,
Что руки я свои умыл
В крови отца? Все знаки, ею
Мне данные, согласны с тем, что видят
Мои глаза, недостает
Лишь одного мне убежденья. Если он
Рустем, то я еще ему в глаза
Сказать не смею: я твой сын!
То им самим запрещено;
Лишь слава даст на то мне право.
Когда же не Рустем он... О! какая
Была б мне честь явиться пред отцом,
Богатыря такого одолевши!
Кто разрешит мое недоуменье?
Когда вчера так зверски
Со мной он бился, мысль, что он
Отец мой, показалась мне
Мечтой несбыточной; но в эту ночь
Я видел сон... я видел, что лежу
В его объятиях, так нежно,
Так весело, с такой любовью детской...
Нет! Не могу и не хочу с ним биться».

II.

Покорствуя тому, что повелел
Афразиаб, коварный Баруман
Ответствовал: «Ты видел сон,
Проснулся – вот и все. Ужель, поверя
Мечте, начатого так славно
Не довершить? Ты слово дал
И должен выручить его – иль вечным
Стыдом себя покроешь. В поле
Тебя он ждет и, верно, торжествуя,
Уж думает: «Передо мной робеет
Мой недозрелый богатырь».
Так и Иран с ним вместе скажет;
То повторится и в Туране.
Тогда с каким покажешься лицом
Ты на глаза Рустему? Не забудь,
Что на тебе лежит святая клятва
Отмстить за Синда; сам же он сказал
Тебе, что Синд убит его рукою.
А для чего свое таит он имя,
Не знаю; мой совет: не любопытствуй
И ты о том узнать; убей и уничтожь
Его, пока он сам тебя убить
И уничтожить не успел, –
Тогда избегнешь посрамленья,
Заслужишь честь и клятвы не нарушишь».
Так искуситель говорил;
Его слова звучали глухо;
Он поглядеть в лицо не смел Зорабу
И бледен был как полотно;
Но все сомненья он разрушил
В душе Зораба. Мщеньем закипев,
Поспешно витязь молодой
Вооружился, на коня
Лихого прянул
И полетел на битву роковую.

III.

Когда сошлись соперники на месте,
Назначенном для поединка,
Две рати с двух сторон
Свидетелями боя
В порядке вышли боевом:
Ведомые могучим Тусом,
Блестящие полки Ирана
Построились перед шатрами;
А Баруман туранские дружины
По склону вытянул горы,
Одним крылом их к замку прислонивши.
К сопернику приблизившись, Зораб
Его спросил, приветно улыбнувшись:
«Покойно ль спал ты эту ночь
И весело ль проснулся? Рано, рано
Ты поднялся, мой старец многосильный:
Прекрасен этот день – таков ли будет
Прекрасен вечер, мы не знаем.
Но посмотри, как утро молодое
Вершины гор озолотило;
Цветы все утренним вином
Напоены, и утренняя свежесть
На паству манит пастухов;
Невидимо под ветвями деревьев
И видимо в лазури неба
Поют проснувшиеся птицы;
Ручьи, сияя, льются;
На солнце блещут берега;
Трава росой сверкает...
Приличен ли такой всемирный праздник
Кровавому убийству? День такой
Не лучше ль милой жизни
Еще нам уступить? Послушай, друг,
Сойди с дракона своего
На этот свежий дерн; заключим
В виду обеих наших ратей
Здесь перемирие, забудем

На этот день и мщение и злобу:
Пусть будет поле крови
Для нас палатой пировою.
Я знак подам – и перед нами
Вино заблещет в кубках,
И пир устроится роскошный,
И звонко заиграют струны,
И дружно мы отпразднуем с тобою
День возрождения прекрасной,
Всеоживляющей весны;
Железный шлем ты снимешь с головы,
А я венком живых цветов украшу
Твои мне милые седины;
И, сидя за вином, мы будем
Беседовать радушно о войне,
О бранных подвигах, и всем, что знаю,
Я поделюсь с тобой от сердца;
А ты свою откроешь мне породу
И славное свое мне скажешь имя –
О! не упорствуй, друг; скажи,
Скажи его – мы не должны
Так чужды быть друг другу; нас
С тобой вчера побратовала битва».

IV.

Так с откровенностью младенца
Рустему говорил Зораб –
Ему во грудь из вод, из глубины
Небес, из зелени полей
Проникнул тайный голос
Природы; на щеках его
Горело жаркое желанье;
Так раскрывается молодая
Распуколька от теплого весны
Дыхания; но если на нее
Дохнет морозом бурный север,

Она сжимается и увядает;
Так от морозных слов Рустема
Увяла вдруг в душе Зораба
Едва зацветшая надежда.
«Дитя мое, — сказал Рустем, — не для того
Сюда пришли мы, чтоб, роскошно
На луговом ковре покоясь,
Беседовать; на смертный бой
Пришли мы. Если ты
Еще годами отрок,
То я уж не дитя. Ты видишь,
Что для борьбы кушак стянул я туго;
И здесь давно я жду, чтоб боевую
С тобой начать работу, чтоб нарвать
С тобой тех роз, какие только в нашем
Саду родятся. Свежесть утра
Для ратного благоприятна дела;
Она моим состарившимся членам
Живую крепость придает.
Итак, пока не наступил
Палящий зной, начнем
Свой мужественный спор. Я не слыхал,
Чтоб для одних рассказов о боях
Соперники на месте боя,
Вооруженные, сходились;
Я бьюсь делом, не словами.
По имени ж себя не прежде назову,
Как положив тебя в крови на землю:
Тогда узнаешь, чья рука тебя убила».

V.

Зораб, воспламененный гневом,
Воскликнул: «Будь по-твоему, упрямый
Старик! своей судьбы никто
Не избежит; и мы увидим скоро,
Кто здесь кого принести ей в жертву должен».

На землю спрянул он с коня,
И громко зазвучало
Его оружие. Рустем
Сошел поспешно с Грома; тяжкий
Звук от меча его раздался,
И из ножен до половины
Он выпрыгнул. В молчанье оба
К бежавшему вблизи потоку
Они пошли с конями. У воды
Росло там дерево; к нему
Они коней ретивых привязали;
И там Рустемов Гром
Оставлен был с конем Зораба.
Приветливо они друг друга
Обфыркали и, знакомясь,
Между собой немую завели
Беседу; как друзья давнишние, они
Подножную траву щипали вместе,
И головы протягивали дружно
К ручью за свежую водою,
И шеями друг друга обнимали,
Как будто угадав,
Какое близкое родство меж ними было.
А между тем отец и сын
На место боя грозно шли,
Друг другу смерть в душе готовя.

VI.

Они плотней стянули кушаки
И рукава до самых плеч
Могучих засучили;
Ужасно их наморщились лица
И загорелись глаза,
И, разом бросясь друг на друга,
Как разозлившиеся тигры,
Они руками обхватились:

Два тела вдруг слились в одно,
Вокруг которого четыре
Железные руки, как змеи,
В него вдаваясь, переплетались.
Как будто сплавленные крепко,
Они друг друга, грудь на грудь,
Теснили, перли, гнули, жали –
Напрасно; камень и железо
Могли бы руки их расплюснуть,
Но пошатнуть не мог ни сына
Отец, ни сын отца; дыханье
Спиралось в их груди; глаза их, кровью
Налитые, как уголья горели;
Их ноги были врыты в землю –
Но ни один не мог другого
Ни потрясти, ни наклонить,
Ни приподнять, ни сдвинуть с места;
Напрасны были их порывы,
Напрасны были их напоры,
Напрасно было их боренье,
Их трепетанье, их кипенье –
Неодолим, неколебим
Остался каждый. Наконец,
Отбросив тщетную борьбу,
Они решились испытать,
Кому кого удастся
Поднять с земли и опрокинуть.
И, разорвавшись, разом отскочили
Отец и сын и, разом снова
Сбежавшись, как крючья руки
За кушаки засунули друг другу.
И вдруг Рустем потряхнул Зораба
Так сильно, что с земли
Взорвал его на воздух; как свинец,
Всей тяжестью Зораб на грудь отца
Обрушился и повалил
Его на землю под себя.

Не зная сам, как мог он очутиться
На нем, его к земле он придавил
Коленом, выхватил кинжал
И был готов пронзить им грудь
Под ним лежавшего Рустема.

VII.

Рустем, увидя над собою
Железо, возопил: «Остановись,
Что хочешь делать? Если ты
Породой знаменит, не осрамляй
Ни самого себя, ни предков
Постыдным делом: меж суровых
Родяся турков, ты не знаешь
Обычаев Ирана – знай же,
Что здесь никто, кому в борьбе
Соперника удастся одолеть,
Его не умерщвляет, но ему
Дает с собою испытать
В другой раз силу; если ж и тогда
Он победит, то властен он
И умертвить врага и дать ему пощаду.
Таков святой иранский наш обычай;
И стыд тому, кем будет он нарушен!»
Так говорил Рустем, прибегнув
(Чтоб от себя погибель отворотить)
К обману. «Я, – отвечивал Зораб, –
Не слыхивал, чтоб где такой обычай
Водился; но скажи мне, соблюдал ли
Его Рустем?» На это возразил
Рустем: «Какое дело нам
До твоего Рустема? Если ж
Ты хочешь знать, то и Рустем
Обычаю Ирана был покорен».
При этом слове опустил
Зораб кинжал и руку подал

Лежачему, чтоб он с земли поднялся.
Легко поверил он: простому сердцу
Коварство было незнакомо;
Незлобный, как младенец, был он
Великодушен, как герой;
А темная рука судьбы
Его к гибели стремилась неизбежно.
Обманом спасшийся Рустем
Негодовал, что для спасенья
Был принужден обман употребить;
Поднявшись с земли, он отряхнулся
И против воли покраснел,
Взглянув на сына; а Зораб
Ему сказал с усмешкой: «Отдохни,
Мой старый богатырь; я скоро
Опять здесь буду, и тогда,
Как следует, начатое мы кончим».
Сев на коня, он поскакал
В ту сторону, где по горе
Туранское стояло строем войско;
Вдруг перед ним вскочила антилопа, —
И весело за нею он погнался,
Забыв о близком часе роковом. Poemalar